

Николаевич П.И.
(конкурс)

Культура. — 1994. — 9 июля. — С. 7.

Почему вторые не стали первыми

Х конкурс им.
Чайковского

Ну с виолончелью, допустим, все более или менее понятно (то есть в действительности-то, конечно, не очень: оценили участников после первого тура — и сами изумились результатам, проголосовали после второго — и вовсе сильный, по собственному же признанию, конкурс превратили в безнадежный, так что и премий стало давать некому), но там хоть причины были для подобного рода «недоумений» — сначала вышел из строя председатель жюри, потом его заместитель, и «по ходу пьесы» менялась система голосования, что, как выяснилось, тоже на пользу не пошло. Другое дело — скрипка и фортепиано. И жюри сидело на месте (разве что у скрипачей немножко приподжал председатель), и финалисты особых сомнений не вызывали — признанные лидеры конкурса в их число попали, но тем не менее первых премий нет, а чувство недоумения есть.

Дабы избавиться от него, мы и обратились с несколькими вопросами к члену жюри по специальности «скрипка» Эдуарду Грачу и председателю жюри пианистов Льву Власенко.

— Эдуард Давидович, как вы считаете, на конкурсе действительно не было кандидата на первую премию?

— Знаете, ведь никто бы не подумал, будь она присуждена, отдать ее кому-нибудь,

кроме Дженнифер Кох. Дженнифер, безусловно, была во главе соревнования. Она очень одарена, и у нее, несомненно, большое будущее. Но мы решили не присуждать первую премию. Вторая — тоже очень хороший результат, и потом Дженнифер еще очень молода, хотя это, конечно, не недостаток. Есть у нее, на мой взгляд, и недостатки — погрешности в школе и во вкусе, впрочем, преодолимые, если продолжать упорно работать. Но меня очень смутил ее протест. Все-таки надо было остаться и сыграть на концерте лауреатов.

— Дженнифер — признанный лидер, все ее недостатки преодолимы, но ей не только не дают первую премию, которую ведь можно рассматривать и как аванс, поощрение, но и вторую делят между ней и другой участницей. Зачем же понадобилось с кем-то «уравнивать» лидера?

— Я не голосовал за разделение второй премии. Кстати, голосов за разделение было подано немногим больше, чем против. Лиана Исакадзе, к примеру, была очень недовольна таким поворотом событий, безоговорочно отдавая пальму первенства Дженнифер Кох.

— А почему «вторым» лидером была избрана именно Анастасия Чеботарева, по общему признанию, далеко не самое яркое дарование среди финалистов? Марко Рицци, например, произвел очень хорошее

впечатление... Были в финале и другие удачные выступления. Возможно, сыграла свою роль принадлежность нескольких членов жюри — председателя В. Третьякова, А. Маркова (США) и педагога Чеботаревой И. Бочковой к одной школе [Юрия Янкелевича]!

— Ну они же не преобладали. (Бочкова, как вы понимаете, по кандидатуре Чеботаревой не голосовала). Как бы там ни было, в результате голосования Чеботарева победила всех прочих претендентов на «вторую» вторую премию. Но я согласен: Рицци — хороший, зрелый, сложившийся музыкант. Однако премии премиями, а жизни всех лауреатов расставляет по их законным местам. Публика благосклонна к талантам, а звания в конечном счете особого значения для нее не имеют.

— Не скажите. Наша публика недвусмысленно выразила свое недовольство решением жюри в отношении Дженнифер Кох. Кстати, вот вас смутил протест Кох, а протест слушателей?

— Их, конечно, можно понять. Знаете, я ведь сам был в подобной ситуации. На конкурсе в Париже мне присудили вторую премию, первую отдав французскому музыканту. Публика неистовствовала, кричала «Позор жюри!», едва ли не требовала полицию. А я стоял на сцене, и по щекам у меня текли слезы. Однако куда не уехал — сыграл на

концерте лауреатов и был очень рад лишний раз убедиться в добром расположении к себе парижских слушателей. А судьба моя в искусстве сложилась очень счастливо, вторая премия ее никак не омрачила.

— Лев Николаевич, объявляя итоги конкурса, вы выразили сожаление по поводу неприсуждения первой премии. Ваш коллега Джон Лилл на закрытии высказался в том же духе. Кого вы прочли на первое место и почему это не состоялось?

— Нынешнего лауреата второй, Николая Луганского. Решение не присуждать первую премию было принято с перевесом всего лишь в один голос. Мотив — сохранение престижа конкурса. Конкурента у Луганского не было. Поначалу было решено дать две вторые премии, но, проводя голосование, мы увидели, что Луганский идет с таким колоссальным разрывом (за него было подано 10 голосов из 11), что отказались от этого решения. Я предложил даже еще раз поставить на голосование первую премию, но иностранные члены жюри возражали против повторного голосования.

— А у иностранцев был свой кандидат в лидеры?

— Нет. Вкусы, конечно, у каждого свои, но, повторяю, серьезного соперника у Луганского не было. Никакому давлению иностранцы не под-

вергались — все решалось в исключительно мирной обстановке. Теперь не то, что раньше, когда «советская часть» жюри должна была заранее выработать стратегию и продумать, как склонить на свою сторону «часть зарубежную». Распределение мест на нынешнем конкурсе действительно отражает позицию и наших членов жюри, и иностранцев.

— Далеко не все обозреватели и меломаны видели лидером Луганского...

— На конкурсах довольно часто бывает так, что финал резко меняет ситуацию. К примеру, Григорий Соколов, выступавший на III имени Чайковского и получивший первую премию, перед финалом шел шестым.

Луганский замечательно сыграл на первом туре, продемонстрировав феноменальную свободу владения техникой, а вот на втором выступил хуже. Особенно меня расстроила соната Прокофьева. Думаю, что он не сразу нашел «общий язык» с инструментом, который выбрал. «Кавари» требует особенного, бережного отношения — у него очень «острый» звук. В финале же Луганскому равных просто не было — поразительная для такого молодого человека логика и умение вести оркестр!

— Наша публика все-таки предпочитает логике романтику...

— Наш публика, однако, согласилась с мнением жюри, присудив Луганскому приз зрительских симпатий.

Приз, учрежденный, кстати, нашими коллегами — газетой «Вечерний клуб».

Интервью взяла
Н. ШАДРИНА.

9.07.94